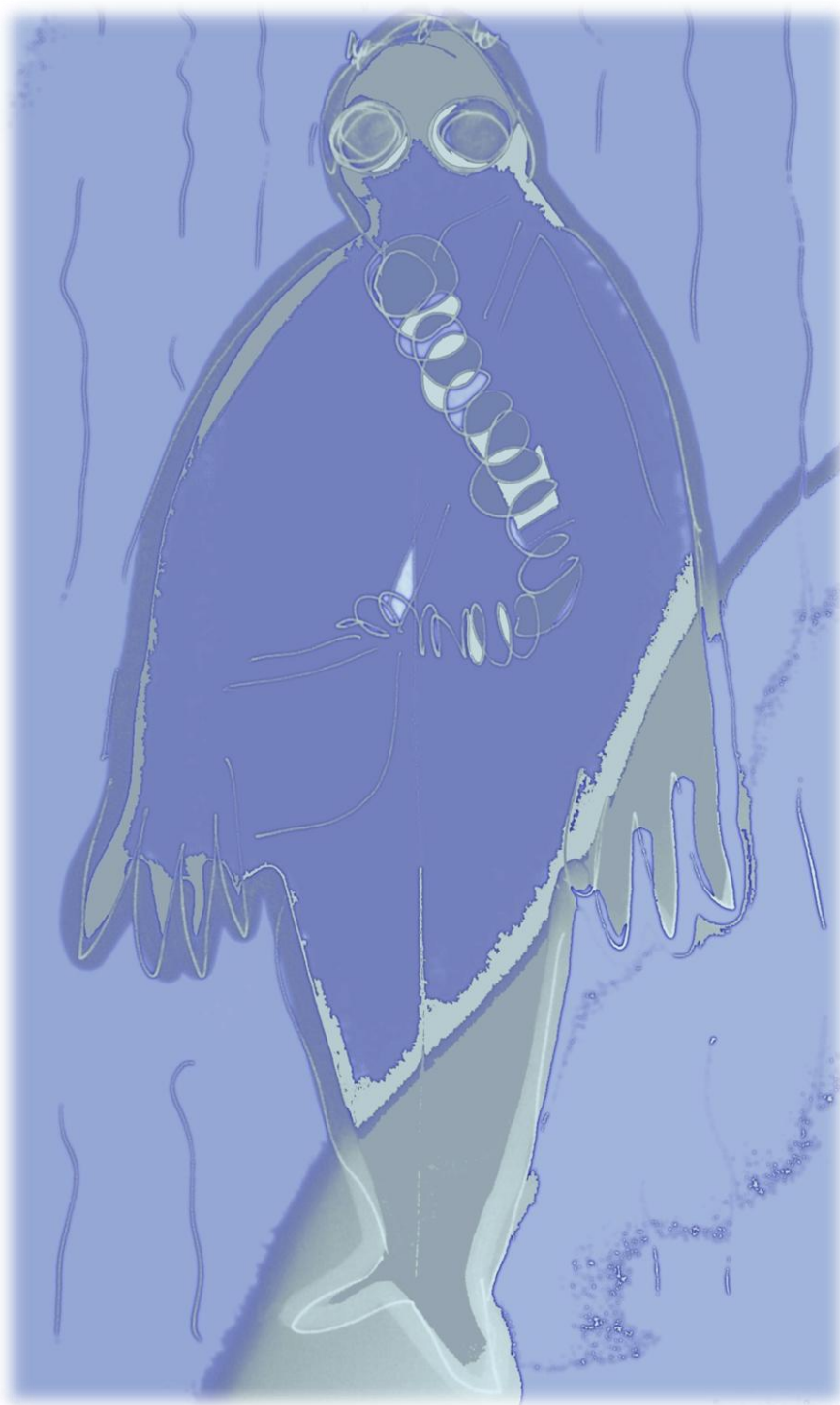

ДМИТРИЙ МАСЛОВ

ОДНАЖДЫ В МЕРЗЕБУРГЕ

Уссурийский тигр.

Андрюха уже двадцать минут стоял неподвижно, как вкопанный. Пристально всматривался вдаль, усиленно вслушивался в окружающие большой парк звуки.

«Что-то сегодня тихо», - думал Андрюха: «Наверное, не мой день! Ладно, что теперь сделаешь».

Махнул рукой, развернулся и пошел назад к боксам первой роты. До конца смены оставалось сорок минут.

Туман этой ночью был не таким плотным, как обычно – можно было разглядеть единственное многоэтажное здание за забором части.

Многоэтажное здание это общежитие для студентов технологического института. По вечерам там обычно гремела дискотека. Дискотека проводилась почему-то на одном из верхних этажей. Длилась она почти всю ночь, освещая округу яркими красками цветомузыки и оглушая мелодиями и ритмами зарубежной эстрады.

Именно этим привлекал бойцов караульный пост в большом автопарке, и ни чем другим. Но этой ночью было подозрительно тихо. Многоэтажка спала, как и весь окружающий парк город.

Андрей Костин медленно брёл с автоматом наперевес вдоль боксов с техникой, про себя считая шаги по брусчатке. В момент, когда он проходил мимо забора парка со стороны офицерских ДОСов сквозь тишину прорезались странные звуки, то ли песни, то ли плача, то ли смеха.

Андрюха замер, прислушался и, наконец, расслышал знакомые русские слова:

*Ап, и тигры у ног моих сели,
Ап, и с лестниц в глаза мне глядят,
Ап, и кружатся на карусели,
Ап, и в обруч горячий летят.*

«Заменщик приехал, как пить дать!» – воскликнул Костин и, почесав прицелом висок, добавил: «С Приморья, небось, раз про тигров поют».

Не зря особист майор Горлов приставал к Андрюхе непременно поступать в Высшую школу КГБ СССР. Видел в Андрюхе Горлов потенциал. Вон он как быстро сообразил и про заменщика и про Приморье.

«В тебе Костин, пропадает талант разведчика». – Говорил Горлов при каждой встрече с Андрюхой.

А Андрюха всегда отвечал: «Да мы же тут все вроде как в разведке».

«А ты погоди! погоди, не торопись с приговором!» – парировал майор Горлов и почти всегда при таком разговоре, поднимая указательный палец ввысь, добавлял: «Там Костин, слушай внимательно солдат, там (Горлов в такой момент привставал на цыпочки, чтобы палец оказался выше прежнего) лучше знают, где, как и самое главное, зачем вести разведку! Ты разведками не бросайся! Понял?»

«Так точно, товарищ майор, понял!» – отвечал обычно Костин, не понимая ровным счетом ничего из того, что говорил Горлов.

Начальник особого отдела полка майор Горлов - личность особенная, мягко выражаясь. Его мало кто понимал!

Но вернемся к повествованию.

Пришла смена. Андрюха сменился. Пришел в караулку. Сдал оружие. Пошел пить чай в кухню.

«Димыч, не знаешь, куда тут тушняк заховали?» – спросил Андрей у Димки Огурцова, который всегда в отдыхающую смену сидел на кухне с чаем.

«Кажись, на нижней полке для тебя и Вильшонкова оставили», - ответил Димка и продолжил что-то чертить на клочке бумаги.

«Сегодня, с чем?»

«С гречкой!»

«Класс!» – пропел Андрюха и спросил: «Чего рисуешь?»

«Да так «каляки маляки», но получается тигр».

«Вот и у тебя – тигр!»

«Ты что тигра встретил в большом парке?»

«Не встретил, но слышал! В ДОСах пели: *Ан, и тигры у ног моих сели*, ну знаешь такую песню. Боярский пел».

«Что, правда, Боярский?»

«Да, нет, конечно, кто-то из наших пел в ДОСах».

После караула выяснилось, что в полк и впрямь прибыл заменщик и не один даже – двое! Один из них – какой-то капитан на КП, который как раз из Приморья оказался, как и догадался, вернее, логически вывел Костин. А второй – майор с труднопроизносимой фамилией. Куда заменился майор, пока никто не знал.

Побежали обычные солдатские будни, без перерыва на выходные, потому что, как известно, не было у нас никаких выходных. Походив с месячишко по караулам, перешли ребята на боевое дежурство. Вот тут то и познакомились с «Уссурийским тигром», капитаном из Приморья.

Когда заступающая смена строилась на втором этаже ПЦ, ее всегда инструктировал дежурный офицер. Каждый раз это был новый офицер, они менялись с каждой сменой. И как-то не запоминались их инструктажи. Да чего там запоминать. Одно и то же, про то же самое. В этот раз все было иначе. Смену встречал и инструктировал новенький – капитан Игнатычев.

«Равняйся! Смирно!» – скомандовал младший сержант Ряполов и замер с ладонью у обреза пилотки лицом к двери из дежурки.

«Воль-но!» – отрывисто и четко отчеканил капитан Игнатычев, не вру, буквально «выстрелив» из помещения в коридор. Не высокого роста, крепко сбитый, в сверкающей кожей портупее.

Игнатычев пронесся вдоль небольшого строя и весело воскликнул:

«Ну что бойцы, как настроение? Ведём разведку?»

«Ведём!» – дружно прокричали все.

«Вперед!» – сказал, как отрезал капитан и скрылся в кабинете.

«Классный дядька!» – воскликнул Илюха Молдавский.

«Тигр!» – Сказал Димка Огурцов, подмигнув Андрюхе Костину.

«Уссурийский!» – добавил Андрюха.

В общем-то, с появлением новых офицеров ничего нового для бойцов полка не произошло. Все шло своим чередом. Мы познакомились с капитаном Игнатычевым, который теперь с радующей регулярностью встречал смену боевого дежурства на приемном центре. Каждый раз он

встречал нас новой шуткой и заряжал энергией на подвиги в нелегком деле радиоразведки.

А вот второго заменщика мы пока не знаем. Кто он? А он, как спустя некоторое время выяснилось, новый начальник химической службы полка майор то ли Гольдис, то ли Лахнис. Фамилия его так для нас бойцов и осталась загадочной. Как и национальность. Так как, в полку уже был еврей – добрейший майор Эпельман, то этого, то ли Гольдиса, то ли Лахниса мы записали в прибалты - одного офицера еврея для нашего полка вполне достаточно. С фамилией майора сразу началась путаница, поэтому звали его все просто – начхим. Коротко и ясно!

С этими двумя новичками в полку вышли разные, но одинаково забавные ситуации. Знаете, как с ситуациями бывает часто – одна ситуация хорошая, а вторая, извините – не очень!

Ну, а какая первая, а какая вторая – вам решать, многоуважаемый читатель.

Итак, история первая.

Английский чай под английский трёп!

Илюха Молдавский сидел на смене, практически не сменяясь. Задачей его было круглосуточно слушать врага, желательно, угадывать при этом его злобные намерения и обязательно, тыкнув пальцем кнопку, записывать «злобные разговоры» на самые разные носители.

Какие носители, какие разговоры, какого врага? Не спрашивайте! Не скажу и не потому что, сам не знаю! Знаю, естественно! А потому, что сие есть военная тайна. Если не знаете, что такое военная тайна, советую перечитать одноименную повесть Аркадия Гайдара.

Так вот, занят Илюха был на смене всегда, дел невпроворот! Только и оставалась свободная минутка в конце ночной смены, чтобы немного потянуться в кресле, да заварить чайку в белой эмалированной кружке. Да и враг тоже по какой-то необъяснимой причине именно к этому времени затыкался.

«Что пьём, Молдавский?» – спросил как-то раз, проходивший мимо коридором лейтенант Семенов, тоже скучающий, видимо, без дела.

«Просто чай», - ответил, несколько сконфузившись Илюха, ведь распитие даже чая не приветствовалось на смене боевого дежурства.

И, вдруг случилось удивительное. Вместо разноса за всё про всё, Семенов улыбнувшись, уточнил вопрос: «Какой чай»?

«Какой есть, товарищ лейтенант! Ребята с караула принесли», - ответил Илюха, приняв соответствующую разведке позу в кресле.

Семенов вошел в помещение, подошел к посту Молдавского, склонил голову низко над кружкой, которую сжимал в руке Илюха, принялся и воскликнул: «Зачем же вы батенька пьете такое дерьмо»?

«Да нет, вроде ничего себе чай. Почему дерьмо»?

«Потому что это не чай! Это – помои!» – воскликнул Семенов и загадочно подмигнув, обнадежил: «Я тебе сейчас принесу настоящий чай».

Через пару минут Семенов вернулся с красивой пачкой.

«Ого! Цивильный!»!

«Откуда у тебя Молдавский этот жаргон!»!

«Я в смысле из магазина», - оправдался Илюха, начиная обалдевать от волшебного аромата Семеновского чая.

«Знакомьтесь! Это - «Earl Grey», рядовой Молдавский». – Официальным тоном объявил лейтенант: «Дарю! Вылей помои и завари настоящий чай»!

С тех пор, с подачи лейтенанта Семенова Илюха Молдавский пил исключительно хороший чай из магазина, если удавалось то непременно «Earl Grey». Интересно, что великодушный лейтенант Семенов, впоследствии не часто проявлял свое великодушие. Так или иначе, Илюха пристрастился к чаю, а так как чай по какой-то необъяснимой причине был не вполне законен, то пил он его тайком.

Именно в такой тайный «чайный вечер», когда враг заткнулся, а Илья выключил усилитель сигнала, что бы шум и треск буквопечатающих машин не портил атмосферу «чайной церемонии», в комнату заглянул капитан Игнатычев. Раньше не заглядывал, а теперь вдруг заглянул.

«Почему тихо! Почему не работаешь, Молдавский»?

«Я «France presse» распечатал».

«Какой «France presse»? При чем, здесь «France presse»?

«Для майора Перепелицы».

«Ха, ха, «France presse» для Перепелицы, неплохо звучит! А «Spiegel» Перепелица не читает?»

«Да нет вроде».

«Ответь мне боец, что связывает «France presse» и твое задание поста?»

«Не уверен, что не связывает, товарищ капитан».

«Дело не в том, связывает или не связывает! Дело в том, что разведка должна вестись постоянно».

«Так точно, товарищ капитан! Но в эфире тишина! Спит супостат».

«Тебе Молдавский чай в голову ударил! С бергамотом пьешь, эстет!» – разозлился Игнатычев: «Давай сюда наушники».

Капитан «крутил» приемник, поправлял наушники, снова «крутил». Ничего не происходило. Лишь слабый треск и шум далекого радиоэфира.

Спустя какое-то время Игнатычев, устав выполнять ни к чему не приводящие манипуляции с приемником, снял наушники и воскликнул: ««Earl Grey», говоришь!»!

«Товарищ капитан, я видимо ногой задел или рукой, не помню и, усилитель сигнала вырубил. Виноват!» – проямлил Илюха и ловким движением руки включил усилитель. Комната сразу наполнилась шумом и треском машин.

«Так что же ты не сказал, Молдавский?»

«Неудобно было вас прерывать, товарищ капитан».

Капитан Игнатычев ничего на это не сказал, только хмыкнул и удалился из комнаты.

В коридоре капитан повстречал ЗОРа, подполковника Смирнова.

«Товарищ подполковник, вы к Молдавскому?»

«Да! Хотел зайти».

«Не надо. Он чай пьет».

Сказав эти слова, Игнатычев повернул в свой кабинет. Смирнов остался стоять в коридоре, приоткрыв рот от недоумения. Постояв минуту другую, развернулся и пошел проверять радиомастеров на чердак.

История вторая.

Дымовая завеса.

С появлением нового нач.хима в полку стали происходить странные вещи. Буквально в тот же день, как, то ли Гольдис, то ли Лахнис прошел через КПП на территорию части, в воздухе запахло дымом.

Прибалт лихо вышагивал мимо солдат собирающих бумажки на плацу напрямик в офицерскую столовую. В воздухе на самом деле все более явно ощущался запах дыма. Солдаты на плацу терли глаза и дружно чихали. Встречные офицеры зажимали рты ладонями. Только нач.хим дышал полной грудью, словно оказался в родной среде.

На немой вопрос, майора Пахомова, выходящего из столовой, нач.хим бодро ответил: «Дымовая завеса! Ух, густо как! Дышал бы и дышал»!

Увидав новое лицо на крыльце офицерской столовой, Пахомов воскликнул: «Это вы - наш новый нач.хим».

«Так точно! Майор то ли Гольдис, то ли Лахнис». – Сказал нач.хим и прошмыгнул в открытую дверь столовой.

С тех пор, хотите верьте, хотите нет, дымовая завеса всегда свидетельствовала о том, что нач.хим идет в столовую.

«Мистика какая-то!» – сказал сержант Кирпиков, наблюдая в очередной раз этот кошмар.

«Никакая не мистика. Немцы листву прошлогоднюю жгут. Вот и вся мистика». – Рядовой Безкровный знал, о чем говорит, как ни как вырос в деревне.

«Не знаю, не знаю». – Не унимался Кирпиков.

«Давайте в класс мужики!» – громко позвал дежурный по роте младший сержант Целоусов, выглянув из окна класса, и уже не громко добавил: «Тимоха будет урок вести».

С десятков бойцов не торопливо вышли из заплеванной и загаженной бычками курилки и направились в класс.

Расселись за парты. Ждали лектора. В дверях появился лейтенант Тимошин, худой, круглолицый с непременным розовым румянцем на обеих щеках. Тимошина видели в основном на приемном центре, а там обстановка можно сказать либеральная, поэтому и здесь в классе в казарме никто даже не встал, чтобы поприветствовать лейтенанта. Тимошин не расстроился, а сразу перешел к делу. Вот что значит офицер без личного состава!

Занятия в классе для отдыхающей смены боевого дежурства придумал сам Тимошин, по крайней мере, он так сказал.

«Чтобы всегда быть в форме - надо досконально изучить задание поста, работать над английским, знать все тонкости ведения разведки». – Заявил лейтенант Тимошин на первом занятии.

Первое занятие оказалось последним. Может сам Тимошин охладел к собственной инициативе, а может и случившееся на занятии положило конец начинанию.

Кроме того, бойцы, отсидев шесть часов на смене, мечтали скорее об отдыхе, чем о «доскональном изучении задания поста». Поэтому поддержки в солдатской среде Тимошин не получил.

Но вернемся в класс. Через пятнадцать минут лекции, Тимошин начал непрерывно чихать, а вместе с ним и все остальные. При этом ни посторонних запахов, ничего подозрительного в классе не было. Через секунду Тимошин, не попрощавшись, выскочил из помещения, а вместе с ним, как можно догадаться, и все остальные.

Не заладилось с занятиями как-то сразу!

Класс проветрили, закрыли, Тимошин больше не приходил.

Так как занятия в ротах проводились крайне редко, то инцидент забылся до поры, но страшное слово «мистика» сержант Кирпиков повторять стал чаще.

Барон.

У начальника химической службы полка было свое место. И не только в строю, строго по должности и по росту. Нач.хим имел и место в материальном смысле слова. В подвале под казармой третьей роты у

нач.хима была каптерка. Там лежали пересыпанные тальком защитные костюмы, противогазы, множество мешков и ящиков. В каптерке стоял письменный стол и шкаф с папками, наполненными таблицами, инструкциями и графиками.

То ли Гольдис, то ли Лахнис сидел на венском стуле за столом и что-то чертил, потом мял бумагу, бросал на пол и чертил снова. В углу каптерки нач.хим установил манекен, одетый в ОЗК и противогаз.

Редкие посетители каптерки всегда шарахались от манекена. Странно, но манекен в ОЗК и противогазе походил на нач.хима. То ли своей долговязой фигурой, то ли жутким блеском очков противогаза. Нач. хим носил очки, как будто специально, круглые в толстой пластмассовой оправе.

Когда мятой бумаги на полу каптерки скапливалось критическое количество, нач.хим запускал в помещение бойца из молодых. Один из таких уборщиков оказался еще и любопытным. Развернув смятый листок, сообразил – график. К тому же сверху графика каллиграфическим почерком нач.хима было начертано: график проведения занятий по химической защите или что-то в таком духе.

Надо отметить, солдаты боялись словосочетания «химическая защита», как «чёрт ладана». Чаще всего, да что уж там всегда, занятия по химической защите представляли собой бесконечное одевание и снятие ОЗК на время. Это хуже похода к стоматологу! Кто служил, тот знает!

Вернувшись в роту такой любопытный боец рассказывал окружившим его салагам о том, что задумал нач.хим.

Сами понимаете, какой исключительный образ стал рисоваться при упоминании нач.хима в полку. А сам, то ли Гольдис, то ли Лахнис оказался человеком скрытным, даже нелюдимым. Дружбы ни с кем из офицеров и прапорщиков не водил, не выпивал с ними никогда, сидел всегда в своей каптерке и сочинял графики с какой-то маниакальной одержимостью.

Из-за такого затворничества, а также из-за сходства с известным белогвардейским генералом в полку нач.хима прозвали – барон.

Химическая атака.

После нескольких недель чертежных работ, нач.хим перешел к практическим занятиям. Заручившись поддержкой командира полка и

начальника штаба при пристальном внимании со стороны Политического отдела, а также особого отдела барон разослал графики по ротам.

Начались занятия по химической защите. Отдыхающие смены боевого дежурства и караулов, сменившиеся с нарядов и другие празднично шатающиеся по полку писари и работники складов, все как один должны были под руководством своих взводных и ротных командиров участвовать в занятиях по одеванию, раздеванию, складыванию ОЗК.

Сам нач.хим словно темный кардинал, вернее барон, двигался вдоль усеянного солдатами и офицерами плаца, жадно вдыхая неповторимый аромат талька. Убедившись, что в положенный норматив никто не укладывается, нач.хим придумал соревнования. По бегу в ОЗК, по ползкам в ОЗК, по приседаниям в ОЗК. Идеи у нач.хима фонтанировали.

В военных кругах зрело недовольство. В столовой офицеры отсаживались от пропахшего тальком барона как можно дальше. Солдаты старались не смотреть при встрече в слепящие, как фары очки нач.хима.

Замороженные на занятиях по химической защите бойцы спали в нарядах и на смене. Офицеры перестали пить. Просто шнапс стал подозрительно отдавать тальком. Жизнь остановилась во всех смыслах слова, от курилки до ротной канцелярии.

Самые смелые пытались сообщить командиру полка о недовольстве личного состава. Командир только кряхтел в ответ и матерно выражался в духе: «Вы тут не на курорте». Начальник политического отдела разводил руками. Начальник штаба вообще спелся с нач.химом на почве нелюдимости. Только особист майор Горлов улыбался, как чеширский кот и наблюдал со стороны. Остальные страдали.

Далее события развивались стремительно.

Жена старшего лейтенанта Семененко работала в штабе. Придя домой после работы, она отказалась готовить ужин, а потом и вовсе отправила старлея спать в кухню. Так как семья Семененко жила в коммуналке, где кроме них жили еще две семьи, то такое унижение при всем честном народе перенести было нелегко. Супруги ругались до середины ночи.

«Ты понимаешь, что мне плохо», - кричала жена.

«Значит, опять я виноват», - кричал муж.

Ну и так далее и тому подобное.

Им бы к психологу сходить, но в те времена с семейными психологами было туго. Делать нечего, старший лейтенант, взяв подушку, поплелся в кухню.

К своему удивлению в кухне Семененко обнаружил других обитателей квартиры мужского пола, оказавшихся здесь по той же самой причине. За крошечным столом устроились с подушками прапорщик Лунев и капитан Бойко.

Что-то здесь странное происходит, подумали мужчины одновременно и решили вызвать женщин на разговор. До самого утра в отдельной коммунальной квартире в ДОСах продолжалось собрание семей. Выяснить удалось не много. Всем женщинам было действительно плохо. Глаза слезятся, из носа течет, живот пучит. Но в чем причина такого их состояния оставалось не выясненным.

На следующей неделе весь полк дошел до ручки не понарошку, а по-настоящему, все двигались словно во сне, пели на разводе ужасно плохо, не попадали в такт, роняли оружие, офицеры падали парами в строю. Командир, видя все это безобразие, только кричал и обещал всех **покончить!**

Женщины Семененко, Лунева и Бойко чувствовали себя все хуже и хуже. Полковой врач майор Пахомов терялся в догадках.

«Может аллергия, на пыль». – Предположил Пахомов.

Потом к женам Семененко, Лунева и Бойко добавились другие женщины, тоже чьи-то жены.

«Точно – пыль». – Утвердился в диагнозе Пахомов и распорядился тщательно вымыть полы и протереть все столы и шкафы в штабных кабинетах. Занимались этой работой, понятное дело, «слоны» из учебной роты.

«Товарищ майор, смотрите какой-то порошок в углу», - обратился к надзирававшему за уборкой Пахомову боец.

«Похож на стиральный», – поднес к носу горсть нач.мед и чихнул: «Фу. Зараза». Приказав собрать порошок в савок, нач.мед. сразу про порошок забыл. Ну, порошок и порошок, что такого!

Кабинеты вычистили, и жизнь вернулась к привычному распорядку. Смена, караулы, наряды, в промежутках упражнения с ОЗК. Грустно.

Еще через пару недель сопли и слезы повторились. Все женщины штаба теперь отказывались не только готовить ужин и спать с мужьями, но, что совсем недопустимо, выходить на работу. Ведь все они были военнослужащими, пусть и вольнонаемными.

Теперь во всех квартирах в ДОСах шли ночные собрания. В какой-то момент митингующие переместились в самую большую квартиру к майору Пахомову, который по понятным причинам сочувствовал собравшимся. Было принято решение поймать и должным образом наказать негодяев, устроивших аллергию и наказать не по уставу, а по-своему.

Замысел наказания вызревал в группе офицеров из первой роты, чьи жены особенно пострадали. У них, кроме слез и соплей, наблюдалась еще и красная сыпь.

За кабинетами штаба установили слежку. Следили в течение нескольких дней, в рабочее время естественно. Безрезультатно.

Красная сыпь появилась у всех женщин полка.

Полк начал тонуть, как старая баржа.

Разведка велась из рук вон плохо.

Все чесались, чихали и плакали, но занятия по хим.защите не отменялись.

253 Отдельный радиотехнический полк особого назначения превращался в полк химической защиты буквально на глазах. Нач.хим торжествовал. Из подвала третьей роты он перебрался в пустующий просторный класс первой роты. Вместо схем приемников и алфавита английского языка радиообмена на стенах класса появились изображения ОЗК, картинки отравляющих веществ, формулы химических соединений и тому подобное.

Разоблачение.

Смену боевого дежурства вновь инструктировал капитан Игнатычев. «В чем дело, Козлов. Почему ты плачешь?» – Спросил капитан обливающегося слезами рядового.

«Я не плачу. В глаза что-то попало». – Отвечал Козлов, с трудом успевая смахнуть рукавом слезы.

«Что попало»? – допытывался Игнатычев.

«Товарищ капитан», - начал рассказ Козлов: «Я на первом посту позавчера стоял в штабе, ночью по лестнице в коридор поднялся нач.хим с мешком. Из

мешка просыпался какой-то порошок. Я потом, когда нач.хим ушел, решил посмотреть, что за гадость. Ну и попало в глаза».

«Что же ты сразу не сказал про это?»

«Так никто не спрашивал».

Так вот, кто оказывается тот таинственный негодяй, отравляющий жизнь в полку.

Группа офицеров при поддержке офицеров КП приступила к приведению приговора, объявленного в квартире майора Пахомова, в действие.

Нач.хим зашел в класс первой роты. Запер дверь. Растянулся на диване под окном класса. Потянулся рукой толкнуть створку окна наружу. Створка не открывалась.

«Странно», - подумал нач.хим: «Вчера открывалась».

Он лежал, задрал голову, озираясь по сторонам. Со всех сторон на него смотрели плакаты и графики, формулы химических соединений и таблицы жизнедеятельности отравляющих веществ.

Одетый в ОЗК манекен поблескивал очками противогаза в углу.

Вдруг нач.хим закашлялся, потом расчихался, его начали душить горловые спазмы, а из глаз хлынули слезы.

Нач.хим вскочил и начал крутиться из стороны в сторону как будто искал что-то. Нашел. Раскрытый мешок у ног манекена. Тот самый мешок с гадким порошком.

«Откуда он здесь».

«Я его в каптерке храню».

Мысли лихорадочно проносились в голове у нач.хима. Он кинулся к окну. Окно не открывалось. Кинулся к двери. Дверь не поддавалась.

Нач.хим метался по классу несколько минут и все-таки решился разбить стекло. За окном на плацу перед казармой собрался весь не занятый в нарядах полк. Барону ничего не оставалось, как только спасти свою жизнь и вылезать из класса через разбитое окно. Оказавшись на клумбе с розами под окном, нач.хим обливаясь слезами оправдывался: «Я только хотел всех заставить химию полюбить, так как я ее люблю».

«Уйди гад! Не доводи до греха!» – крикнул кто-то из бойцов.

Через месяц, дождавшись внеплановой замены то ли Гольдис, то ли Лахнис выходил через КПИ из полка. Под мышкой он нес манекен, одетый в ОЗК и свернутые в трубочку графики.

Полк вернулся к привычной жизни. Боевое дежурство, караулы, наряды. Отдыхающая смена отдыхала, писари и кладовщики слонялись без дела по территории. Красота!

Созерцая из окна кабинета пустой плац и полные бойцами курилки, командир полка крикнул: «Устроили курорт».

Мерзбург - Ямкино, 2020 г.

